

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ
ШКАТУЛКА

РАССКАЗЫ
О ХРИСТЕ
СЕЛЬМЫ
ЛАГЕРЛЁФ

Сельма Лагерлёф
Рождественская шкатулка.
Рассказы о Христе
Сельмы Лагерлёф
Серия «Христианские праздники.
Коллекция духовной прозы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74495401

Сельма Лагерлеф «Рождественская шкатулка. Рассказы о Христе»:

ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-254610-5

Аннотация

Как перестать бояться сцены и научиться выступать уверенно?
Можно месяцами разучивать произведение, идеально отрабатывать пассажи и знать текст наизусть – а на сцене вдруг обнаружить, что руки дрожат, темп ускоряется, а случайный звук из зала способен сбить с мысли.

Мария Матох предлагает посмотреть на сценическое волнение иначе. Не пытаться избавиться от него любой ценой, а заранее подготовиться к тому, что может произойти на сцене.

В этой книге собраны практические приемы, которые можно сразу применять на занятиях и репетициях.

Вы узнаете:

- как научиться продолжать игру после ошибки;
- как развивать зрительную, тактильную и гармоническую память;
- как репетировать в непривычной акустике;
- как выступать перед первыми слушателями;
- как анализировать себя по аудио- и видеозаписям;
- как готовить концертную программу.

И многое другое.

Отдельный раздел посвящен работе ансамбля: взаимодействию музыкантов, расстановке на сцене, саундчеку и подготовке плана Б на случай форс-мажора.

Эта книга – честный разговор преподавателя с учениками, наполненный реальными историями, профессиональными наблюдениями и конкретными советами. А главное – книга помогает изменить отношение к самому выступлению.

Ошибка не должна превращаться в катастрофу, а волнение – во врага. Его можно превратить в энергию, напряжение – в исполнительский нерв, а мандраж – в кураж!

Содержание

Святая ночь	6
Видение императора	13
Колодец мудрецов	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сельма Лагерлеф

Рождественская шкатулка.

Рассказы о Христе

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви.

Номер Издательского совета – ИС Р26-614-0404.

© Александр Куприн, перевод на русский язык, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Святая ночь

В возрасте пяти лет меня постигло такое великое горе, равного которому я, пожалуй, не знала больше никогда в жизни.

Это случилось, когда умерла моя бабушка. До той поры она неизменно сидела на угловом диване в своей комнате и рассказывала сказки.

В моих воспоминаниях бабушка только и делает, что сидит и рассказывает их – с утра и до самого вечера, а мы, дети, притихнув рядом, ловим каждое её слово. Это была чудесная жизнь. Казалось, ни у каких других детей в мире не было того бесценного сокровища, что было у нас.

О бабушке я помню не так уж много. В памяти запечатлелись её волосы – прекрасные и белые, как мел; помню, как сильно она сутулилась и как постоянно вязала чулок.

Ещё помню, что, закончив очередную сказку, она неизменно клала руку мне на голову и произносила:

– И всё это так же верно, как то, что я вижу тебя, а ты видишь меня.

Помню и то, что она знала много песен, хоть и пела их нечасто. Одна из них – о рыцаре и морской деве – врезалась в память своим припевом: «Ветер холодный-холодный над морем подул».

Помню короткую молитву и псалом, которым она меня

научила.

Из всех её сказок в душе сохранились смутные, ускользающие образы. Лишь одну из них я помню настолько отчётливо, что могла бы пересказать слово в слово. Это небольшое предание о Рождестве Христове.

Вот, пожалуй, и всё, что осталось в моей памяти о бабушке, – не считая того, что я ощущаю острее всего: сильную утрату, когда её не стало.

Я помню то утро, когда угловой диван внезапно опустел, и разум не мог постичь, как вообще может продолжаться этот день. Этого мне не забыть никогда.

Помню, как нас, детей, подвели проститься – поцеловать руку покойной. Мы робели и боялись, но нам сказали, что это последняя возможность поблагодарить бабушку за всю ту радость, которую она нам дарила.

Я помню, как сказки и песни навсегда уехали со двора, поместившись в длинном чёрном гробу.

Словно из жизни исчезло что-то жизненно важное. Будто дверь в прекрасный, зачарованный мир, куда мы прежде входили свободно, внезапно захлопнулась. И не осталось на земле никого, кто владел бы ключом от неё.

Шло время, и мы, дети, постепенно научились играть в куклы, забавляться с игрушками и жить так, как живут все остальные. Со стороны могло показаться, будто мы больше не тоскуем и не вспоминаем о ней.

Но и по сей день, спустя сорок лет, когда я собираю во-

едино легенды о Спасителе, услышанные мною на Востоке, во мне оживает тот маленький рассказ о рождении Иисуса, который когда-то поведала бабушка. И мне хочется рассказать его вновь, включив в свой сборник.

* * *

Это случилось в рождественский день. Все домашние уехали в церковь, и в доме остались только мы с бабушкой. Думаю, во всём доме не было больше ни души. Нас не взяли на заутреню: одна была слишком мала, а другая – слишком стара. И обе мы печалились, что не сможем увидеть рождественские свечи.

Мы сидели в глубокой тишине, и вдруг бабушка начала рассказ:

– Жил-был человек, – сказала она, – который вышел в тёмную ночь, чтобы попросить огня. Он ходил от хижины к хижине, стучал в двери и взывал: «Добрые люди, помогите! У моей жены родился младенец, мне нужно развести огонь, чтобы согреть их».

Но была глухая ночь, люди спали, и никто ему не отвечал. Он шёл долго, пока не увидел вдали мерцающий отблеск.

Направившись туда, человек обнаружил костёр, горящий под открытым небом. Вокруг огня спало множество белых овец, а старый пастух сидел и чутко охранял своё стадо.

Когда путник приблизился, он увидел у ног пастуха трёх

огромных псов. Они проснулись и оскалили пасти, готовые зайтись в лае, но в тишине не раздалось ни звука. Человек видел, как на их спинах дыбом встала шерсть, как в свете пламени сверкнули острые клыки, как псы бросились на него. Он почувствовал, что один вцепился ему в ногу, другой – в руку, а третий – в горло. Но зубы их не слушались, челюсти не сжимались, и человек не получил ни единой царапины.

Он хотел подойти к огню, но овцы лежали так тесно, спина к спине, что пробраться сквозь них было невозможно. Тогда человек ступил прямо на их спины и пошёл по ним. И ни одно животное не проснулось и даже не шевельнулось.

Тут я не выдержала и перебила бабушку:

– Почему они не проснулись, бабушка?

– Узнаешь через минуту, – ответила она и продолжила:

– Когда человек подошёл к костру, пастух поднял голову.

То был суровый и жестокий старик, ненавидевший всех людей. Увидев чужака, он схватил свой длинный заострённый посох и с силой метнул его в незнакомца. Посох со свистом полетел прямо в человека, но, не долетев, внезапно свернул в сторону и упал далеко в поле.

Я снова вмешалась:

– Бабушка, почему посох его не ударил?

Но бабушка, не отвечая, продолжала:

– Человек подошёл к пастуху и смиренно попросил: «Добрый человек, поделись со мной огнём. Моя жена только что

родила, и мне нужно согреть её и дитя».

Пастух хотел было прогнать его, но вспомнил, что псы не смогли укусить путника, овцы не проснулись под его ногами, а верный посох не поразил его. Старику стало не по себе, и он не посмел отказать.

– Бери сколько нужно, – буркнул он.

Но пламя почти угасло. Не осталось ни поленьев, ни веток, – только груды раскалённых углей. А у незнакомца не было ни лопаты, ни сосуда, чтобы унести их. Видя это, пастух злорадно повторил: «Бери, бери!», радуясь, что человек всё равно уйдёт ни с чем.

Но путник наклонился, голыми руками достал угли из золы и сложил их в полы своего плаща. И чудо – жар не обжёг ему ладони, а ткань не вспыхнула. Он нёс раскалённые угли так легко, словно это были лесные орехи или яблоки.

Я снова спросила:

– Бабушка, почему огонь не обжёг его?

– Сейчас узнаешь, – пообещала она. – Когда пастух, человек злой и чёрствый, увидел это, он пришёл в замешательство: что это за ночь, в которую псы не кусают, овцы не пугаются, посох не ранит, а огонь не жжёт? Он окликнул незнакомца: «Что это за дивная ночь? Почему всё являет тебе милость?»

И человек ответил: «Я не смогу объяснить тебе, если ты сам этого не увидишь». С этими словами он поспешил к своей жене и ребёнку.

Но пастух не мог успокоиться. Он поднялся и последовал за путником.

Вскоре он увидел, что у того нет даже жалкой хижины: мать и младенец укрывались в горной пещере среди холодных, голых камней.

Глядя на них, пастух подумал, что невинное дитя может замёрзнуть в этой теснине. И хотя сердце его было каменным, оно вдруг дрогнуло и смягчилось. Он снял с плеча сумку, достал мягкую белую овечью шкуру и отдал её незнакомцу, чтобы тот укутал младенца.

И в тот самый миг, когда он проявил милосердие, пелена спала с его глаз. Он увидел то, чего прежде не мог видеть, и услышал то, что было скрыто от его слуха.

Он увидел, что его окружили маленькие ангелы с серебряными крыльями. В руках у них были лиры, и все они славили рождение Спасителя, который пришёл избавить мир от греха.

Тогда пастух понял, почему в эту ночь всё живое ликует и не желает причинять зла.

Ангелы были повсюду: в самой пещере, на склонах гор, в высоком небе. Они шествовали по дорогам торжественными толпами, останавливаясь, чтобы взглянуть на младенца.

Повсюду царили радость, ликование и дивное пение, — и всё это пастух теперь ясно видел в ночной тьме, где раньше не различал ничего. Сердце его переполнилось восторгом, он пал на колени и возблагодарил Бога.

Когда бабушка закончила рассказ, она тихо вздохнула:

– То, что увидел тогда пастух, можем увидеть и мы. Ведь ангелы парят в небе каждую рождественскую ночь, нужно только уметь их различить.

Она снова положила руку мне на голову и добавила:

– Запомни это. Всё это так же верно, как то, что я вижу тебя, а ты видишь меня. Секрет не в свечах, не в лампах, не в луне и не в солнце. Секрет лишь в том, чтобы иметь глаза, способные узреть славу Божию.

Видение императора

Это было в те времена, когда Август правил в Риме, а Ирод – в Иерусалиме.

И случилось однажды, что на землю опустилась великая и святая ночь. Это была самая тёмная ночь из всех, какие когда-либо видел свет; можно было подумать, будто вся земля очутилась под сводами подземелья. Невозможно было отличить воду от суши, и даже на самой знакомой дороге нельзя было найти верного пути. И не могло быть иначе, ибо с неба не падал ни единый луч света. Все звёзды остались в своих обителях, а прекрасная луна отвернула свой лик.

Глубока была тьма, но ещё глубже – тишина. Реки оставили свой бег, ветер затих, и даже листья осины перестали дрожать. Подойди кто к морю – не услышал бы рокота волн; ступи в пустыню – песок не заскрипел бы под ногами. Всё окаменело, всё замерло, благоговей перед таинством этой ночи. Трава не смела расти, роса не могла пасть, цветы не решались источать благоухание.

В ту ночь хищники не выходили на лов, змеи не жалили, псы не лаяли. И, что было ещё чудеснее, ни одна неодушевлённая вещь не дерзнула бы нарушить священный покой, послужив злему делу: ни одна отмычка не открыла бы замка, ни один нож не пролил бы крови.

И именно в эту ночь в Риме небольшая группа людей спу-

стилась из императорского дворца на Палатине и направилась через Форум к Капитолию. Днём сенаторы просили Августа дозволить воздвигнуть ему храм на святой горе Рима. Но император не дал немедленного согласия. Он не знал, угодно ли богам, чтобы его святилище стояло вровень с их алтарями, и ответил, что прежде желает спросить их волю, совершив ночное жертвоприношение своему гению. Теперь он шёл в сопровождении немногих приближённых совершить этот обряд.

Августа несли на носилках – годы тяготили его, и долгий подъём по ступеням Капитолия был ему не под силу. В руках он держал клетку с голубями для жертвоприношения. С ним не было ни жрецов, ни солдат, – лишь самые близкие друзья. Впереди факельщики прорубали свет сквозь густой мрак; позади рабы несли треножник, угли, ножи и священный огонь.

По дороге император оживлённо беседовал со спутниками, и потому никто не заметил ни мёртвой тишины, ни неподвижности ночи. Лишь когда они достигли вершины Капитолия, где было отведено место для нового храма, им открылось нечто необычайное.

На самом краю утёса они увидели поразительное существо. Сперва им показалось, что это причудливо изогнутый ствол древней оливы; затем – будто старое изваяние из храма Юпитера сошло со своего пьедестала. Но вскоре они поняли: перед ними сивилла.

Никогда прежде не видели они человека столь древнего, столь иссушённого ветрами времени и столь величественного в своём увядании.

Старуха внушала такой трепет, что, не будь рядом императора, придворные в ужасе разбежались бы по домам.

— Это она, — шептали они, — та, что отсчитывает годы по числу песчинок на берегах своей родины. Зачем она покинула пещеру в эту ночь? Что предвещает она Цезарю и державе, — она, пишущая пророчества на листьях и знающая, кому ветер донесёт слово оракула?

Страх сковал их: сделай сивилла хоть движение, все пали бы ниц. Но она сидела неподвижно, словно лишённая жизни. Согнувшись на краю обрыва и заслонив ладонью глаза, она напряжённо всматривалась во тьму, будто видела то, что происходит на краю земли.

И тут император и его свита по-настоящему ощутили тяжесть ночи.

Никто не видел дальше собственной руки. Воздух словно густел, сдавливая грудь; на лбах выступил холодный пот, руки онемели. Казалось, над миром нависла неведомая угроза.

Но никто не смел выказать страха. Придворные убеждали Августа, что это добрые знамения: сама природа, мол, затаила дыхание перед новым богом.

Они торопили его с жертвой, уверяя, что и сивилла вышла приветствовать его величие.

А между тем пророчица была так погружена в видение,

что не заметила прибытия Цезаря. Дух её витал в далёких краях. Ей чудилось, что она идёт по бескрайней равнине. В темноте она то и дело спотыкалась о мягкие кочки. Нагнувшись, она поняла: это не кочки, а спящие овцы. Она шла среди огромных, застывших стад.

Впереди блеснул огонь, и сивилла направилась к нему. Пастухи спали у костра, а рядом лежали их острые посохи. Маленькие звери с пушистыми хвостами и горящими глазами подкрадывались к самому пламени – это были шакалы. Но пастухи не гнали их, собаки не рычали, овцы не пугались, а дикие хищники мирно ложились рядом с людьми.

Сивилла видела это, не зная, что происходит за её спиной на вершине Капитолия. Она не видела, как устанавливают алтарь, как разжигают угли и рассыпают ладан. Император взял первого голубя, но руки его так ослабли, что он не смог удержать птицу. Одним взмахом крыла голубь вырвался и канул в ночи.

Придворные бросили подозрительные взгляды на сивиллу – не она ли виной этой неудаче?

А пророчица всё стояла у пастушьего костра, прислушиваясь к тонкому звуку, дрожащему в мёртвой тишине. Долго она внимала ему, пока не осознала: звук льётся не с земли, а с небес. Она подняла взор и увидела сияющие тени, скользкие во мраке. То были ангельские воинства, которые с нежной песней летали над равниной, словно что-то разыскивая.

В это время император решил на вторую жертву. Он

омыл руки, очистил алтарь и взял второго голубя. Но, как он ни старался, птица снова выскользнула и исчезла в непроходимой мгле. Август в ужасе пал на колени перед пустым алтарём, моля своего гения отвести беды, которые сулила эта ночь.

Сивилла же не слышала его мольбы. Пение ангелов крепло, становясь столь мощным, что пробудило пастухов. Те приподнялись и увидели в небесах серебристо-белые сонмы, плывущие длинными рядами, подобно перелётным птицам. У одних в руках были лютни, у других – цитры и арфы; песня их звучала чисто, как детский смех, и радостно, как трель жаворонка. По узкой извилистой тропе пастухи поспешили в горный город, чтобы возвестить о чуде, и сивилла последовала за ними.

Внезапно над холмом стало светло. В самом зените вспыхнула великая ясная звезда, и город на вершине заискрился в её лучах. Ликуя, ангелы устремились туда; пастухи почти бежали. У городских ворот они увидели низкий хлев – убогое строение под соломенной крышей, прилепившееся к голой скале. Над ним сияла звезда, и всё новые сонмы ангелов слетались к этому месту. Они занимали крышу, выступы скал, парили в воздухе, – и всё пространство вокруг сияло неземным светом.

И в тот миг, когда звезда озарила горный город, вся природа пробудилась. Люди на вершине Капитолия не могли этого не заметить: они ощутили свежий, ласковый ветер; воз-

дух наполнился благоуханием; зашелестели деревья; Тибр вновь запел на перекатах; засияли звёзды, и луна торжественно залила мир светом. И тут с небес спустились два голубя и кротко опустились на плечи императора.

Август поднялся, преисполненный горделивой радости. Спутники его пали ниц.

– Ave Caesar! – воскликнули они. – Твой гений услышал тебя! Ты – бог, которому отныне будут поклоняться на вершине Капитолия!

Их восторженный клич был так громок, что старая сивилла услышала его. Он пробудил её от видения. Она поднялась и двинулась к людям – страшная, древняя, с жесткими прядями седых волос и кожей, тёмной и морщинистой, как кора векового дерева.

Величественно и грозно подошла она к императору. Схватив его за запястье, она указала костлявой рукой на далекий Восток.

– Смотри! – повелела она.

И пространство раздвинулось перед взором Августа. Он увидел убогий хлев, пастухов на коленях у двери и молодую мать, склонившуюся над младенцем в яслях.

Узловатый палец сивиллы указал на этого нищего ребенка.

– Ave Caesar! – произнесла она с горькой усмешкой. – Вот Бог, которому будут поклоняться на вершине Капитолия!

Август отшатнулся, приняв её за безумную.

Но на сивиллу снизошёл дух пророчества. Её тусклые глаза вспыхнули, руки воздались к небу, а голос обрёл такую мощь, что, казалось, его слышала вся земля. Словно читая слова среди звёзд, она провозгласила:

– На высоте Капитолия будет почитаем обновитель мира – Христос или Антихрист, но не бранные люди!

Сказав это, она прошла сквозь толпу оцепенелых людей, медленно спустилась с горы и исчезла навсегда.

На следующий день император Август строжайше запретил воздвигать ему храм на Капитолии. Вместо этого он повелел построить там святилище в честь новорождённого Божественного Младенца, назвав его Алтарём Неба – Ara Coeli.

Колодец мудрецов

В старой Иудее свирепствовала Засуха. Глазницы её впа-ли, взгляд был горек, а шаг тяжёл. Бродила она меж смор-щенных чертополохов и пожелтевших трав под безжалост-ным летним небом.

Было лето. Солнце калоило голые горные хребты; малей-шее дуновение ветра вздымало с белёсой земли густые тучи известковой пыли, а стада в долинах безнадёжно теснились у русел пересохших ручьёв.

Засуха обходила округу, проверяя запасы воды. Она за-глянула к Соломоновым прудам и со вздохом отметила, что в их каменных берегах ещё теплится жизнь. Спустилась к знаменитому колодцу Давида близ Вифлеема – и там нашла влагу. Тогда, волоча ноги, она побрела по большой дороге, ведущей в Иерусалим.

Пройдя половину пути, она увидела у самой обочины Ко-лодец мудрецов и сразу смекнула: он почти иссяк. Засуха присела на край каменного корыта, высеченного из огром-ного монолита, и заглянула внутрь. Зеркало воды, обычно стоявшее у самого края, ушло глубоко в бездну; ил и слизь со дна сделали остатки влаги мутными и грязными.

Увидев в тусклой поверхности своё иссохшее лицо, Коло-дец дрогнул от тревоги.

– Любопытно, скоро ли тебе придёт конец? – проскрипела

Засуха. – Неужели не отыщешь в глубине жилу, что дарует тебе новую жизнь? Ведь дождя, слава небу, не видать ещё месяца три.

– Твоя правда, – вздохнул Колодец. – Ничто мне не поможет. Разве что ключ из самого рая...

– Что ж, я не покину тебя, пока не иссякнет последняя капля, – пообещала Засуха. Ей хотелось насладиться зрелищем его долгой и мучительной агонии.

Она устроилась поудобнее и с наслаждением слушала стоны из глубины. Ей было приятно видеть, как подходят томимые жаждой путники, опускают ведро и вытягивают его обратно – лишь с несколькими каплями грязной жижи на дне.

Так прошёл день. В сумерках Засуха снова заглянула внутрь: там ещё немного поблёскивала вода.

– Останусь на ночь! – крикнула она. – Не торопись! На рассвете, когда я увижу твоё обнажённое дно, я буду знать: с тобой покончено.

Засуха съёжилась на колодезном срубе. Над Иудеей сомкнулась жаркая ночь – ещё более тягостная, чем день. Без умолку выли шакалы, и из душных хлебов им вторил жалобный рёв скотины. Редкий ветер не приносил прохлады; он был горяч, как тяжёлое дыхание спящего чудовища.

Но звёзды сияли нежно, и тонкий серп луны разливал по серым холмам призрачный, зеленовато-синий свет. В этом мерцании Засуха увидела караван, тянущийся к Колодцу мудрецов. Она злорадно предвкушала, как разочарованные

звери и люди обнаружат пустую чашу. Там было столько всадников, что они осушили бы Колодец, будь он полон до краёв.

Внезапно ей показалось, что в этом караване есть что-то неземное. Верблюды возникли на гребне холма так плавно, будто спустились с небес. Они были крупнее обычных и несли огромную поклажу с невероятной лёгкостью.

И все же они казались ей совершенно реальными. Она могла даже ясно различить, что три первых животных оказались благородными дромадерами с серой блестящей шерстью, украшенными коврами с бахромой. На них восседали величественные всадники.

Караван замер у колодца. Дромадеры опустили тремя резкими толчками, и всадники сошли на землю. Вьючные верблюды остались стоять; и чем больше их собиралось, тем больше они походили на непролазные заросли из высоких шеек, горбов и странно наваленных поклаж.

Трое всадников сразу подошли к Засухе и приветствовали её, приложив руку ко лбу и груди. Засуха увидела, что на них ослепительно белые одежды и огромные тюрбаны, а по верхнему краю каждого тюрбана прикреплена ярко сияющая звезда, будто сорванная прямо с небосвода.

– Мы прибыли из далёкой страны, – промолвил один из чужеземцев. – Скажи, это ли Колодец мудрецов?

– Так его называют сегодня, – усмехнулась Засуха, – но завтра Колодца не станет. Он умрёт этой ночью.

– Охотно верю, – ответил чужеземец, – раз уж вижу тебя здесь. Но разве это не святое место, которое никогда не пересыхает? И откуда у него такое имя?

– Я знаю, что он свят, – буркнула Засуха. – Да толку-то? Те трое мудрецов давно в раю.

– Неужели ты и впрямь знаешь историю старого Колодца? – удивились странники.

– Я знаю историю всех колодцев, ключей, ручьёв и рек, – гордо ответила она.

– Тогда сделай милость, расскажи и нам, – попросили они. И трое путников сели вокруг старой врагини всего живого и стали слушать.

Засуха, словно сказительница, взобралась на корыто и, откашлявшись, начала:

– В мидийском городе Габесе, на краю пустыни, – а потому нередко служившем мне милым убежищем, – жили когда-то три мудреца. Они были прославлены знаниями, но крайне бедны. Хотя это было странно, ибо в Габесе знание высоко ценилось и хорошо оплачивалось. Впрочем, с этими людьми едва ли могло быть иначе: один был чрезвычайно дряхл, другой – прокажён, а третий был толстогубым негром. Первого считали слишком старым, чтобы он мог чему-то научить; второго избегали из страха заразиться; а третьего не хотели слушать, потому что были уверены: из Эфиопии никогда не приходит мудрость.

Однако трое мудрецов сошлись в общей беде. Днём они

вместе просили милостыню у ворот одного и того же храма, ночью спали на одной и той же крыше. Так у них хотя бы была возможность коротать время: вместе размышлять обо всём удивительном, что они замечали в людях и в вещах.

Однажды ночью, когда они лежали рядом на крыше, густо заросшей красным, одурманивающим маком, старший из них проснулся – и едва огляделся, как разбудил двух остальных.

«Благословенна наша бедность, которая заставляет нас спать под открытым небом! Проснитесь и поднимите глаза к небу!»

– Так вот, – продолжала Засуха уже чуть мягче, – то была ночь, которую невозможно забыть. Небо казалось прозрачным и глубоким, как колышущееся море света. Пространство сияло так, что небо, обычно похожее на твёрдый свод, казалось глубоким, прозрачным и волнующимся, как море. Свет качался там взад и вперёд, и звёзды виднелись на разной глубине: одни – в самих световых волнах, другие – на их поверхности.

Но далеко-далеко и высоко-высоко трое мужчин заметили слабое затемнение. Оно мчалось по небу, как шар, приближалось, – и по мере приближения начинало светлеть, светлеть, как розы – да даст Бог им всем увянуть! – когда они выходят из бутона. Шар рос, тёмная оболочка вокруг него постепенно трескалась, и по четырём сторонам прорывался свет – четырьмя яркими лепестками. Наконец, когда он опу-

стился до ближайших звёзд, он остановился. Тёмные складки разошлись, и он распустил лепесток за лепестком прекрасного сияющего розоватого света – и стал звездой среди звёзд.

Мудрость подсказала беднякам: в эту минуту на земле родился могучий царь, власть которого поднимется выше власти Кира или Александра. И движимые алчностью, они решили: «Пойдём к родителям младенца. Они наверняка наградят нас золотом за добрую весть».

Взяли они свои длинные посохи и отправились в путь. Они прошли через город и вышли за его ворота, но там на миг растерялись, потому что перед ними распростёрлась великая, сухая, прекрасная пустыня, которую люди ненавидят. Тогда они увидели, как новая звезда бросила узкую полосу света на пустынный песок, и пошли вперёд с надеждой, имея звезду своим проводником.

Они шли всю ночь по широким пескам и говорили о юном новорождённом царе, которого найдут спящим в золотой колыбели, играющим драгоценными камнями. Они коротали ночные часы, представляя, как предстанут перед его отцом-царём и матерью-царицей и скажут им, что небо обещает их сыну силу, власть, красоту и счастье – больше, чем было у Соломона.

Они гордились тем, что Бог избрал их увидеть звезду. Они твердили себе: родители новорождённого не могут наградить их меньшим, чем двадцать кошелёв золота; а то, быть

может, дадут столько, что им больше никогда не придётся терпеть муки бедности.

– Я подстерегала их в пустыне как лев, желая сгубить жаждой, но звезда хранила их. Они не знали ни голода, ни бурь. Но они ускользнули от меня. Звезда вела их всю ночь, а утром, когда небо посветлело и остальные звёзды поблекли, она упрямо держалась и светила над пустыней, пока не привела их к оазису, где они нашли источник и плодовые деревья. Там они отдыхали весь день, а ночью, снова увидев светлую полосу на песке, пошли дальше.

– Честно признаться, – продолжала Засуха, – путь был приятен. Звезда вела их так, что они не знали ни голода, ни жажды. Она проводила их мимо колючих чертополохов, обходила глубокие рыхлые пески, они избегали палящего солнца и жарких пустынных бурь. И трое мудрецов всё повторяли: «Бог хранит нас и благословляет наш путь. Мы – его посланники».

– Но мало-помалу и я обрела над ними власть, – продолжала Засуха. – Сердца этих звёздных странников сделались такой же сухой пустыней, как та, по которой они шли. В них поселились бесплодная гордыня и разоряющая алчность.

«Мы – Божьи посланники, – повторяли они. – Отец новорождённого царя не обеднеет, если подарит нам целый караван, нагруженный золотом».

Наконец звезда провела их через славную реку Иордан и вывела к холмам Иудеи. И однажды ночью она остановилась

над маленьким городком Вифлеемом, блестящим среди зелёных олив на вершине холма.

Трое мудрецов стали высматривать дворцы, крепостные башни, стены – всё то, что бывает у царских городов, – но ничего этого не увидели. И ещё хуже: свет звезды не повёл их в город, а остановился над пещерой у самой дороги. Мягкий свет проник в отверстие и показал путникам ребёнка, который спал на руках матери.

И хотя мудрецы увидели, что звёздный свет обрамляет голову младенца, словно корона, они остались снаружи. Они не вошли – не стали предсказывать ему славу и царства. Они отвернулись, не выдав своего присутствия, бежали от ребёнка и пошли обратно вниз по склону.

«Неужели мы отправились в путь ради нищего, столь же ничтожного и бедного, как мы сами? – говорили они. – Неужели Бог привёл нас сюда, чтобы посмеяться над нами: чтобы мы предрекали честь сыну пастуха? Этот ребёнок никогда не поднимется выше того, чтобы пасти своё стадо в этих долинах».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.